

М. Цявловский

«ОН МЕЖДУ НАМИ ЖИЛ...»

(По поводу статьи В. Ледницкого)

Дружба Пушкина с Мицкевичем — не только значительнейший факт в жизни великих поэтов, но и крупное событие в истории русско-польских отношений. Понятен поэтому тот интерес, который с давних пор проявляли к истории взаимоотношений поэтов и русские и польские исследователи. Для последних, по свидетельству В. Ледницкого, тема эта в течение долгого времени была единственной «дорогой в Россию», по которой они отваживались пускаться. И нужно признать, что эти «путешествия» иностранцев дали, пожалуй, больше, чем работы русских ученых.

Со статьей Вацлава Ледницкого, не только подводящей итоги русских и польских изысканий по данному вопросу, но и заключающей в себе ряд новых интересных и ценных наблюдений и выводов, мне хотелось бы познакомить русских читателей.

Работа В. Ледницкого, первоначально в виде брошюры напечатанная в 1924 г. под заглавием «Несколько слов о Пушкине и Мицкевиче»,¹ в переработанном и дополненном виде под заглавием «Из истории дружбы поэтов»²

---

¹ *Wacław Lednicki*. «O Puszkynie i Mickiewiczu słów kilka». Kraków. 1924. Krakowska spółka wydawnicza, 48 стр.

² «Z historii poetyckiej przyjazni», стр. 162—225.

вошла в сборник статей автора «Александр Пушкин»¹. Здесь статья заключает в себе три главы: «Стихотворение Пушкина, обращенное к Мицкевичу», «Томик Байрона» и «Пушкин — ходатай за Мицкевича». В дальнейшем я буду говорить лишь о первой главе исследования Ледницкого, посвященной стихотворению «Он между нам жил...» Глава эта написана по поводу публикации М. Л. Гофманом в парижском сборнике «Окно» (т. III, 1924) текста стихотворения по рукописи, принадлежавшей в. к. Константину Константиновичу и ныне хранящейся в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии Наук Союза ССР. Опубликованный здесь текст не является новостью. Тот же Гофман по этой же рукописи напечатал текст стихотворения в 1922 г. в XXXIII—XXXV выпуске издания «Пушкин и его современники»². Обе публикации текста исследователь сопроводил одними и теми же комментариями, в которых доказывал, что Жуковский, публикуя по этой же рукописи стихотворение в посмертном издании, исказил текст Пушкина, желая очернить в большей степени, чем это сделал Пушкин, польского поэта. «Очищая» текст стихотворения от искажений, внесенных Жуковским, Гофман восстанавливает «канон» его в своих публикациях по-разному. Различие это относится к последним двум стихам. В 1922 г. эти стихи Гофман напечатал в таком виде:

Знакомый голосъ!.. [Боже низпошли
Твой миръ въ его] озлобленную [душу].

Wacław Lednicki. «Aleksander Puszkina. Studja». Kraków 1924. Nakładem Krakowskiej spółki wydawniczej. 410 стр. В книгу В. Ледницкого, кроме названной статьи, входят еще шесть: Предисловие, «Судьбы Пушкина в идеологии русского общества», «Об антипольской лирической трилогии Пушкина», «Пушкин и Мария Волконская» (Творчество поэта в свете его «единственной» любви), «Поэзия брака и очага» и «Поэтическое хозяйство Пушкина».

² См. М. Л. Гофман. «Посмертные стихотворения Пушкина 1833 — 1836 гг.», стр. 367—371.

а в 1924 г. в таком:

Знакомый голос!.. Боже! низпошли
Твой миръ въ его встревоженную душу.

Утверждение Гофмана, что Жуковский, печатая стихотворение Пушкина, усилил его выпады против Мицкевича и тем исказил намерение поэта, и, в частности, аргументация в защиту «второго варианта» («встревоженную» вместо «озлобленную» душу) «канона» и послужили поводом Ледницкому написать очень содержательную, интересную статью, далеко выходящую за пределы оценки устанавливаемого Гофманом «канонического» текста стихотворения. Но, прежде чем перейти к статье Ледницкого, считаю нужным, с своей стороны, высказаться по существу о предлагаемом Гофманом «каноне». Оба его «варианта» следует признать в корне неверными.

В транскрипции текст стихотворения в рукописи, опубликованной М. Л. Гофманом, читается так:

Онъ между нами жилъ
[изгнанником]¹ ему чужомъ²
Средь племени враждебнаго:] но злобы
.....

Въ душѣ своей къ намъ не питаль, и мы
Его любили: Мирный, благосклонный
Онъ посѣщаль бесѣды наши. Съ нимъ
ИСТЫМИ
Дѣлились мы и ч[ашей] [и] мечтами
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
съ высока
И [глубоко] взираль на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ
Когда народы, разпри позабывъ,

---

¹ Зачеркнуто карандашом.

² Написано карандашом.

*

Прежде всего нужно отметить, что весь основной текст рукописи — текст перебеленный, дающий полную, законченную редакцию стихотворения. В таком виде стихотворение было записано 10 августа 1834 г. Как видно из транскрипции, в этой редакции последние два стиха первоначально читались:

Знакомый голось!.. Боже! низпошли
Твой миръ въ его озлобленную душу.

Спустя некоторое время Пушкин переработал текст. Переработка эта не была закончена, и потому, устанавливая канон, можно поступить двояко: или напечатать законченную, первую редакцию, даваемую этой рукописью, или принять во внимание переделки Пушкина. В последнем случае приведенные стихи нужно печатать, конечно, только так:

Знакомый голось!.. Боже, освяти
Въ немъ сердце правдою твоею и миромъ.

Между тем, это единственное правильное чтение Гофман, явно злоупотребляя термином, называет «интерполяцией»¹. Итак, вопрос может идти только о том, вводить или не вводить в стихотворение последние полстиха: «И возврати ему». Б. В. Томашевский во всех пяти ленинградских изданиях однотомного собрания сочинений Пушкина этих слов не вводит, ставя после слова «миром» точку; я в издании полного собрания сочинений Пушкина, выпущенном в качестве приложения к журналу «Красная нива», и в гихловском пятитомнике ввожу это полустихие. Кто из нас прав, считаю вопросом схоластическим, но «развертывать» этот недописанный стих в полный, как это делает Гофман, предлагая чтение:

И возврати ему незлобивую душу.²

---

¹ См. указанную публикацию Гофмана 1922 г., прим. на стр. 368 — 369.

² Там же, стр. 369.

нельзя уже по одному тому, что в этом стихе шесть стоп, чего нет ни в одном стихе стихотворения.

Ледницкий в своей критике «второго варианта» гофманского «канона», справедливо доказывая всю произвольность введения в него слова «встревоженную», не принял во внимание стиха: «В нем сердце правдою твоей и миром», отменяющего и «озлобленную» душу, чтение, которое отстаивает польский исследователь. Но это обстоятельство ни в какой мере не умаляет большого значения работы Ледницкого. Значение ее не только в том, что она опровергает легкомысленные, необоснованные утверждения Гофмана, а в том, главным образом, что одинаково хорошо осведомленный в литературе вопроса как на польском, так и на русском языках, Ледницкий дает интерпретацию стихотворения на фоне широко развернутой истории взаимоотношений Пушкина и Мицкевича.

На основе этих данных Ледницкий устанавливает связь, с одной стороны, между брошюрой «На взятие Варшавы», в которой были напечатаны антипольские стихотворения Пушкина («Клеветникам России» и «Бородинская годовщина») и Жуковского («Старая песня на новый лад»), и стихотворением Мицкевича «К русским друзьям», с другой стороны — связь между этим стихотворением и стихотворением Пушкина «Он между нами жил».

Спорный до последнего времени вопрос о том, является ли стихотворение Мицкевича ответом на брошюру русских поэтов, решается Ледницким весьма убедительно в положительном смысле.

Указанная брошюра со стихотворениями Пушкина и Жуковского вышла в Петербурге около 14 сентября 1831 г.¹ Вопреки высказанному в свое время мнению Вяземского, что этих стихотворений не прочтут за гра-

---

¹ См. Н. Снявский и М. Цявловский «Пушкин в печати». М. 1914, стр. 106.

нищей, они были переведены, по крайней мере, на немецкий язык. Вскоре по выходе в свет брошюры, стихотворения Пушкина и Жуковского в немецком переводе были напечатаны также брошюрой (ценз. разр. 22 сентября 1831 г.) под заглавием: «Der Polen-Aufstand und Warschau's Fall 1831. In drei Gedichten von A. Puschkin, W. Schukowski und A. Chomiakow». ¹

Перевод «Клеветникам России» из этой книжки был дважды перепечатан: в начале 1832 г. в какой-то немецкой газете, ² а затем в книге Friedrich Arnold Steinmann «Briefe aus Berlin. Geschrieben im Jahr 1832», вышедшей в свет не позднее июля 1832 г. ³

По одному из этих немецких изданий, не говоря уже о русском тексте, на что почему-то не указывает Ледницкий, Мицкевич мог прочесть стихотворения Пушкина и Жуковского во время своего пребывания в Германии в марте-июле 1832 г. или в Париже, куда поэт приехал 1 августа и где в ноябре был занят печатанием третьей части своей поэмы «Дядя», вышедшей в свет в январе 1833 г. ⁴ Вместе с поэмой здесь напечатано под заглавием «Ustęp» («Отрывок») семь стихотворений, посвященных России: «Дорога в Россию», «Предместья столицы», «Петербург», «Памятник Петра Великого», «Смотр войскам», «Олешкевич» и «Русским друзьям». Этот цикл, исполненный большой сатирической силы и огромного гражданского пафоса, — ответ Мицкевича на подавление

¹ Эту брошюру описывает в своей статье Ледницкий. Она указана в «Puschkiniana» Межова, стр. 205, № 3214.

² См. П. Е. Щеголев «Судьба» одного немецкого перевода «Клеветникам России» — Пушкин и его современники, в. VII.

³ 27 июля 1832 г. эту книгу А. И. Тургенев послал из Франкфурта-на-Майне кн. П. А. Вяземскому. См. «Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским», т. II, Архив братьев Тургеневых, в. 6. Пгр. 1921, стр. 100 и 456—457. Эту перепечатку Ледницкий в своей статье не указал.

⁴ См. W. Lednicki. «Aleksander Puszkina», стр. 176.

польского восстания и на ультра-патриотические стихотворения Пушкина и Жуковского. В стихотворении «Русским друзьям» Мицкевич писал:

Вспоминаете ли вы меня?.. Всегда, когда думаю
О смерти, изгнании, заточении моих друзей,
Думаю и о вас; вы — чужеземцы —
Имеете право гражданства в моих мечтах.

Где же вы теперь? Благородная шея Рылеева,
Которую я обнимал, как шею брата, по царскому приговору
Висит, привязанная к позорному дереву...
Проклятье народу, который казнит своих пророков!

Та рука, которую протягивал мне Бестужев,
Поэт и воин, от пера и сабли
Оторвана, и царь приковал ее к тачке,
И она теперь роет в рудниках, работает бок-о-бок с польской рукой

Иных, быть может, постигла еще более тяжелая божья кара...
Быть может, кто-нибудь из вас, чином, орденом обесславленный,
Вольную душу продал за царскую ласку
И теперь у его порога отбивает поклоны.

Быть может, продажным языком славит его торжество
И радуется страданиям своих друзей;
Быть может, в моей отчизне пятнает себя моей кровью
И перед царем хвалится, как заслугой, тем, что его проклинают.

Если до вас издалека от вольных народов,
На север, дойдут эти жалобные песни
И отзовутся сверху над страной льдов,
Пусть возвестят они вам вольность, как журавли возвещают весну.

Узнаете меня по голосу... Пока я был в оковах,
Ползая тихо, как уж, я хитрил с тираном,
Но вам открыл то, что тайлось в душе,
И для вас всегда хранил кротость голубя.

Теперь я выливаю в мир кубок яда.
Едка и жгуча горечь моей речи,
Горечь, высосанная из крови и слез моей отчизны,
Пускай же она ест и жжет не вас, но ваши оковы.

А кто из вас посетует на меня, для меня его жалоба
Будет как лай собаки, которая так привыкла
К ошейнику и так терпеливо и долго его носила,
Что готова кусать руку, срывающую его.¹

Вопрос о том, имел ли в виду Мицкевич определенных лиц в четвертой и пятой строфах своего стихотворения, и если имел, то кого именно, неоднократно поднимался и по-разному решался польскими и русскими исследователями. Для Ледницкого несомненно, что в словах: «и теперь у его порога отбивает поклоны» Мицкевич говорит о Жуковском, а в словах: «вольную душу продал за царскую ласку» и «быть может, продажным языком славит его торжество» понимает Пушкина. Последнее утверждение Ледницкий основывает на следующем отрывке из письма Н. А. Мельгунова из Москвы от 21 декабря 1831 г. к С. П. Шевыреву в Женеву: «Мне досадно, что ты хвалишь Пушкина за последние его вирши². Он мне так огадился как человек, что я потерял к нему уважение даже как к поэту. Ибо одно с другим неразлучно. Я не говорю о Пушкине, творце Годунова и пр.; то был другой Пушкин, то был поэт, подававший великие надежды и старавшийся оправдать их. Теперешний же Пушкин есть человек, остановившийся на половине своего поприща, и который, вместо того, чтобы смотреть прямо в лицо Аполлону, оглядывается по сторонам и ищет других божеств, для принесения им в жертву своего дара. Упал, упал Пушкин, и признаюся, мне весьма жаль этого. О честолюбие и златолюбие!»³ В последних словах Ледницкий видит «поразительное сходство» («zbieżność uderzająca») с выражениями: «вольную душу продал за царскую ласку» и

---

¹ Перевод Н. К. Гудзия.

² Разумеются «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина».

³ А. И. Кирпичников. «Между славянофилами и западниками» — «Очерки по истории новой русской литературы» т. II, изд. 2-е, М. 1903, стр. 167—168.

«быть может, продажным языком славит его торжество» стихотворения Мицкевича. Сходство, конечно, есть, но настаивать, что именно приведенное место письма Мельгунова было той информацией, на основании которой польский поэт кинул свой горький и несправедливый упрек по адресу Пушкина, — настаивать на этом трудно. Дело в том, что для того, чтобы утверждать это, нужно сделать ряд довольно проблематических предположений.

Письмо Мельгунова было послано Шевыреву в Женеву, где он жил со своим учеником кн. А. Н. Волконским, сыном кн. З. А. Волконской. Последняя жила в это время в Риме, а Мицкевич в Познани. С Шевыревым Мицкевич, повидимому, не был в переписке, и поэтому, для того, чтобы утверждать, что письмо Мельгунова к Шевыреву стало известно Мицкевичу, нужно предположить, во-первых, что содержание его было передано Шевыревым кн. З. А. Волконской, а во-вторых, что последняя, в свою очередь, привела отзыв Мельгунова о Пушкине в своем письме к Мицкевичу, с которым Волконская, правда, была в переписке, но такое ее письмо неизвестно. Ничего невероятного в этих предположениях, конечно, нет, но нам они представляются ненужными, так как и помимо письма Мельгунова Мицкевич в Германии, а затем в Париже, конечно, мог слышать толки о Пушкине, якобы «предавшемся» царю, среди оппозиционно-настроенных по отношению к правительству Николая русских и поляков эмигрантов. Впрочем и сам Ледницкий признает, что сходство выражений в письме Мельгунова со стихотворением Мицкевича «хотя и несомненное, может быть случайным» и что таким образом «все построение, которое на это сходство опирается, гипотетично»¹. Напротив, более чем вероятно предположение Ледницкого, что письмо Мельгунова к Шевыреву от 18 февраля 1831 г., где говорится

¹ Указанная статья Ледницкого, стр. 172.

МНОГО

о падении популярности Пушкина среди читателей, о том, что поэт «уронил себя, и вряд ли ему подняться»¹, это письмо Мицкевич знал, так как жил в это время в Риме и тесно общался с Шевыревым, часто бывая на вилле кн. Э. А. Волконской. Но напрасно, нам кажется, Ледницкий придает большое значение этому письму. Ведь то, что писал Мельгунов, не было новостью для Мицкевича. Еще в 1827—1828 гг. в бытность свою в России он, конечно, хорошо был осведомлен о том осуждении, которое выражалось Пушкину за его стихотворение «В надежде славы и добра» и которое вызвало самооправдание поэта в стихах «Нет, я не льстец». Вся эта история, свидетелем которой был Мицкевич, вероятно, даже принимавший в ней известное участие, несомненно в гораздо большей мере, чем письмо Мельгунова, послужила для польского поэта основанием для его высказываний по этому вопросу в некрологе Пушкина и в XXVIII парижской лекции, на что указывает в своей статье Ледницкий.

Чтобы покончить со стихотворением Мицкевича, укажем, что в словах: «и теперь у его порога отбивает поклоны» Ледницкий видит намек на стихи:

Преклоните же знамена,
Братья, долг свой сотворя,
Перед новой славой трона
И поздравьте с ней царя

стихотворения Жуковского «Новая песня на старый лад». С неменьшим, пожалуй, основанием можно видеть сходство Жуковского, «отбивающего поклоны у царских порогов», с тем его образом, который давала известная эпитафия декабриста А. А. Бестужева:

Из савана оделся он в ливрею,
На пудру променял свой лавровый венец,

---

¹ См. «Исторический вестник» 1897, № 4, стр. 146.

С указкой втерся во дворец
И там, пред знатными сгибая шею,
Он руку жмет камер-лакею...
Бедный певец! ¹

Вопрос о том, когда Пушкин прочел «Ustęp» Мицкевича, а стало быть, и стихотворение «Русским-друзьям» в исследовании Ледницкого остается нерешенным. Приведя мнение Третьяка, что Пушкин познакомился с этим произведением «весной или летом 1833 г.», Ледницкий допускает, что это могло быть «еще до весны и во всяком случае до осени 1833 г.». Теперь об этом можно уже не гадать, а с полной уверенностью утверждать, что содержание «Отрывка» («Ustęp») Пушкину стало известно не раньше конца июля 1833 г. Ледницкий не обратил внимания на то обстоятельство, что в библиотеке Пушкина имеется четыре тома собрания произведений Мицкевича издания 1828—1832 гг. на польском языке и что на обложке четвертого тома, в который входит «Ustęp», рукой приятеля Пушкина и Мицкевича С. А. Соболевского написано: «А. С. Пушкину за прилежание, успехи и благонравие. С. Соболевский» ².

Послать эту в политическом отношении «нецензурную» книгу по почте Соболевский не мог; он ее, конечно, привез из-за границы, откуда приехал в Петербург 22 июля 1833 г. ³

Пушкин, отправившись 17 августа в Оренбург, взял с собой этот том Мицкевича. Приехав из Оренбурга в Болдино 1 октября, поэт прожил здесь полтора месяца. Эта вторая «болдинская осень» в плане творческом прошла у Пушкина в значительной мере под знаком польского поэта. Прочитав его мрачный и гневный «Ustęp»,

---

¹ Воспоминания Бестужевых. Редакция, вводные статьи и примечания. М. К. Азадовского и И. М. Троицкого. Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М. 1931, стр. 130.

² «Пушкин и его современники», вып. IX—X, стр. 288—289, № 1167.

³ «Пушкин и его современники», в. XXXI—XXXII, стр. 41.

Пушкин принял сатирическое изображение Петербурга как вызов и решил ответить на него в своем «Медном всаднике». Но, прежде чем приступить к работе над последним, поэт списал в свою рабочую тетрадь из «Uster'a» полностью два стихотворения «Oleszkiewicz» («Олешкевич») и «Do przyjaciół Moskali» («Русским друзьям») и первые тридцать один стих (из шестидесяти шести) «Pomnik Piotra Wielkiego» («Памятник Петру Великому») ¹. Судя по тому, что текст первого из списанных стихотворений написан на наружных половинах согнутых пополам листов, можно думать, что Пушкин намеревался переводить его.

Однако, ни этого, ни других списанных стихотворений поэт не перевел, но зато перевел две баллады Мицкевича: «Czaty» («Дозор»; у Пушкина «Воевода») и «Trzy Budrysów» («Три Будрыса»; у Пушкина «Будрыс и его сыновья»).

В этих переводах, по мнению Ледницкого, Пушкин хотел овладеть стилем Мицкевича и притом в произведениях далеких от той темы, на которую сам Пушкин намеревался писать в своей отповеди польскому поэту ². Что касается последней, то о ней Ледницкий пишет: «Пушкин дал отповедь прекрасную, глубокую, лишенную всякого гнева, горечи и досады, она не носила личного характера, не была непосредственно направлена против Мицкевича, но Пушкин знал, по крайней мере, допускал, что польский поэт всё, что нужно было ему в ней понять, поймет. Поэма исполнена истинной, чистой поэзии, автор избег в ней всякой актуальной полемики, дал только искусное оправдание своей идеологии и не побоялся, возбужденный Мицкевичем, коснуться самого больного места в трагической сущности русской истории. В «Медном всад-

¹ Текст этих пушкинских копий (в т. № 2373, хранящейся в Публичной библиотеке Союза ССР им. Ленина) впервые печатается в книге «Рукою Пушкина», выходящей в издании «Academia».

² Указ. ст. Ледницкого, стр. 181—182.

нике» Пушкин не затронул русско-польских отношений и тем самым оставил инвективы Мицкевича без ответа»¹.

На последние Пушкин ответил почти через год, в августе 1834 г., стихотворением «Он между нами жил...»

Интерпретацию этой пьесы Ледницкий начинает с опровержения истолкования, данного стихотворению Третьяком в его известной работе «Slady wpływu Mickiewicza na Puszkina». По мнению Третьяка, стихотворение «Он между нами жил...» — плод «мимолетного» вдохновения, оно написано в эпоху, когда Пушкин, отрекшийся от мысли о независимости, завязал близкие отношения с двором, и является как бы прощанием поэта с гордой, независимой жизнью. «Мысль поэта, — говорит Третьяк, — еще раз обратилась к тому, который своей поэзией несомненно разбудил в Пушкине жажду независимости — к Мицкевичу». Совершенно правильно Ледницкий возражает, что, во-первых, сношения с двором Пушкин завязал за три года до написания стихотворения и что, напротив, в 1834 г. отношения эти начали портиться, и, во-вторых, «если бы, размышляя о добровольно утраченной независимости, об отречении от нее, Пушкин имел намерение обратиться к поэту, разбудившему в нем жажду свободы, то не к Мицкевичу он обратился бы со своими элегическими признаниями — адресатом в этом случае был бы, конечно, Байрон, *par excellence*, поэт независимости духа и как таковой воспринятый Пушкиным»².

Сам Ледницкий смысл стихотворения видит совсем в другом. Прежде всего он сопоставляет со стихотворением «Он между нами жил...» стихотворение 1824 г. «Графу Олизару». Последнее стихотворение обращено к поляку, который был влюблен в Марию Раевскую, и сватовство которого было отклонено отцом девушки. В этом стихотворении Пушкин писал:

¹ Указ. ст., стр. 182.

² Там же, стр. 189.

Певец! издревле меж собою
Враждуют наши племена,
То наша стонет сторона,
То гибнет ваша под грозою.
И вы, бывало, пировали,
Кремля.....¹ [позор] и плен;
И мы о камень падших стен
Младенцев [ваших] избивали,
Когда в кровавый прах топтали
Красу Костюшкиных знамен.
И тот не наш, кто с девою вашей
Кольцом заветным сопряжен;
Не выпьем мы заветной чашей
Здоровье ваших красных жен;
[И наша дева молодая],
Привлекши сердце поляка,
[Отвергнет] гордою душою
Любовь народного врага.
*Но глас поэзии чудесной
Сердца враждебные дружит —
Закон волшебный [и] небесный! —
[Вражды] закон.....¹ молчит!
При звуках песен вдохновенья*
· · · · ·
*И восстанут благословенья,²
На племена нисходит мир...³*

Выделенные слова Ледницкий сопоставляет со словами стих. «Он между нами жил...»:

«Средплеменни враждебною

¹ Точками обозначен пробел в оригинале.

² Стих не написан.

³ См. Полное собрание сочинений Пушкина изд. ГИХЛ, т. I, М. 1931, стр. 469. Ледницкий цитирует стихотворение по изданию Брокгауз-Ефрон, дающему несколько иной текст. Курсив принадлежит Ледницкому.

Делились мы и чистыми мечтами
И песнями (он вдохновен был свыше)

народы распри позабыв
и благословеньем

Его мы проводили

Боже возврати (ниспошли)
Твой мир в его озлобленную душу».

Нельзя не согласиться с исследователем, что в обоих стихотворениях «основная мысль и подбор выражений очень сходны, в некоторых местах почти тождественны»¹.

«Пушкин, — продолжает Ледницкий, — чувствовал внутреннюю глубокую потребность обратиться к Мицкевичу именно с такими словами. „Мимолетно его навестив“, муза нашептала ему прежние звуки, знакомые, слышанные десять лет тому назад в украинских садах, где вместе с Густавом Олизаром он влюбился в Марию Раевскую. Там, „в тени украинских черешень“, встретившись с молодым, небольшим поэтом, несчастным влюбленным, нашедшим в поэзии только „лекарство сердца“, понял Пушкин значение даже этой, насквозь интимной, поэзии, убедился, что даже ее достаточно, чтобы умиротворить раздоры „враждующих между собой племен“²».

¹ Указ. ст. Ледницкого стр. 192.

² Там же. К этому можно добавить, что темы об умиротворяющем значении поэзии Пушкин коснулся через год в стихотворении 1835 г. «Вновь я посетил», в черновом тексте которого есть строки:

Я был один. Врзга я видел в каждом,
Изменника — в товарище минутном,
И бурные кипели в сердце чувства,
И ненависть, и грезы мести бледной...
Но здесь меня таинственным щитом
Прощение святое осенило;
Поэзия, как ангел утешитель
Спасла меня.

См. Сочинения и письма Пушкина, изд. «Просвещение». СПб 1903, стр. 360.

«Вот почему Пушкин теперь выступил против Мицкевича и повторил то, что он раньше писал Олизару. Но теперь Пушкин имел перед собой великого поэта, могучего народного певца, прежнего приятеля, который изменил в его глазах принципу братства поэтов. Эта измена, по убеждению Пушкина, была очевидна»¹. Дело в том, что, кроме стихотворения «Русским друзьям», заключающего в себе оскорбительный намек на Пушкина, Мицкевич в «Ustęp» напечатал стихотворение «Памятник Петру Великому», начинающееся стихами:

Вечером, в ненастье стояли двое юношей
Под одним плащом, взявшись за руки.
Один был странник, пришлец с Запада,
Неведомая жертва царского гнета,
Другой — поэт русского народа,
Прославленный на всем севере своими песнями.
Они недолго, но близко были знакомы
И через несколько дней уже стали друзьями.
Их души, возвышаясь над земными препоначи,
Были подобны двум породившимся альпийским скалам,
Хоть и навеки разделенным водной стремниной
Они едва слышат шум своего врага,
Сближаясь друг с другом поднебесными вершинами.

В этих стихах Пушкин не мог не признать себя в «поэте русского народа, прославленном на всем севере своими песнями». О том, что это так и было, красноречиво свидетельствует тот факт, что часть стихотворения с этими стихами Пушкин выписал в свою тетрадь².

Таким образом, оценив приведенную часть стихотворения как «недвусмысленное изображение возвышенной дружбы обоих поэтов, которая господствовала над обыденностью с ее дрязгами и даже вознеслась над истори-

---

¹ Там же.

² Вопрос о том, кого именно разумел Мицкевич в приведенных стихах, в данном случае не имеет значения; нам важно отметить лишь то, что Пушкин привял эти стихи на свой счет. Тем не менее нельзя

ческим „старинным спором“ двух враждебных славянских племен», Пушкин в гневных, оскорбительных стихах послания «Русским друзьям» мог увидеть не только нарушение признанного принципа, но и измену интимной дружбе, дружбе конкретной.

Разумея, как правильно замечает Ледницкий, стихи Мицкевича:

Проклятье народу, который казнит своих пророков!...
Теперь я выливаю в мир кубок яда.
Едка и жгуча горечь моей речи,

Пушкин писал:

... Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом — и ядом
Стихи свои в угоду черни буйной
Он напоеет.

не указать, что в «Прибавлениях», помещенных в конце книги, Ледницкий, основываясь на замечании проф. А. Брюкнера, высказанном им в «Истории русской литературы» (1922, I, стр. 536), утверждает, что в приведенных стихах Мицкевич разумеет не Пушкина, а Рылеева. С этим, конечно, никак нельзя согласиться. Приведенное Ледницким замечание Брикнера («Разговор у памятника Петра Мицкевич мог вести с Рылеевым, отнюдь не с Пушкиным; это чистая фикция, как и другие в «Ustęp») в сущности ни на чем не основано. Приехавший в Петербург 8 ноября 1824 г. Мицкевич познакомился с Рылеевым не раньше декабря этого года, когда Рылеев приехал в Петербург из Малороссии (см. В. И. Маслов. «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», Киев 1912, стр. 363). Уехал Мицкевич из Петербурга в Одессу не позднее 15 января 1825 г. (см. письмо К. Ф. Рылеева к В. И. Туманскому от 15 января 1825 г. в «Киевской старине» 1899, март, стр. 299). Таким образом, разговор у памятника Петра должен был бы происходить зимой, в декабре — первой половине января, когда разговаривающие едва ли могли стоять, накрывшись лишь плащом. Столь же неправдоподобно было бы назвать Рылеева конца 1824 — начала 1825 г. (до выхода в свет сборника его «Дум» и поэмы «Войнаровский») «повтом русского народа, прославленным на всем севере своими песнями». Наконец, по Ледницкому выходит, что «легенду» о Мицкевиче, разговаривающем с Пушкиным у памятника Петра, будто бы создали русские, польские «комментаторы поэтической корреспонденции великих повтов» (указ. съ., стр. 399). Это не совсем так: еще в брошюре 1859 г. Войницкого «Wspomnienie o życiu Adama Mickiewicza» было напеча-

Перифраза стихов Мицкевича еще явственнее выступает в первоначальном тексте автографа, где имеется зачеркнутый стих:

Проклятия нам шлет и жгущим ядом...

Об этом польский исследователь пишет: «Так дословно цитируя Мицкевича, Пушкин углубил смысл своего упрека, мотивировал его и заострил, основав его на недвусмысленном признании Мицкевича. Последнее, в истолковании Пушкина, если не зачеркнуло целиком ту «кротость голубя», о которой вспомнил сам Мицкевич, и которая привлекала к нему сердца многочисленных «русских друзей», то во всяком случае было в ярком и болезненном противоречии с ней»¹.

тано письмо к составителю брошюры приятеля Мицкевича А. Э. Одынца, писавшего о плаще поэта, в котором «он некогда стоял вместе с Пушкиным перед памятником Петра Великого во время проливного дождя, в полночь» (см. П. Дубровский «Новые материалы для биографии Мицкевича» — «Отечественные записки» 1859, № 4, стр. 520). Об этом же рассказывал А. Э. Одынец Н. Бергу (см. «Русский архив» 1872, № 2, стр. 435). Ледницкий проводит аналогию между этой «легендой» и стихотворением «Любви, надежды, тихой славы», по мнению М. А. Гофмана, с чем согласен польский исследователь, написанным не Пушкиным, а Рылеевым и адресованным не Чаадаеву, а А. Бестужеву. В качестве аргумента в защиту мнения Брикнера лучше было бы не проводить этой аналогии, так как она имеет смысл, диаметрально противоположный тому, какой видит в ней Ледницкий. Попытки Гофмана доказать, что «Любви, надежды, тихой славы» написано Рылеевым, столь же несомнительны, как и мнение Брикнера, что Мицкевич в своем стихотворении разумел не Пушкина, а Рылеева. Мнение Гофмана основано на недоразумении, указанном Б. В. Томашевским (см. его книгу «Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения», Лгр. 1925, стр. 55). Кроме этого, все приведенные Гофманом аргументы в защиту своего мнения весьма основательно опровергаются Л. П. Гроссманом (см. его статью «Пушкин или Рылеев?», первоначально напечатанную в шестой книге альманаха «Недра» (М. 1925) и перепечатанную в первом томе собрания сочинений Л. Гроссмана 1928 г.)

¹ Ук. ст., стр. 212.

Стих в первоначальном чтении автографа:

Делились мы и чашей и мечтами

Ледницкий сопоставляет со стихами из послания к Олизару:

Не выпьем мы заветной чашей
Здоровье ваших красных жен.

В этом сопоставлении исследователь видит «важное подчеркивание, усиливающее тон горечи и упрека по адресу польского поэта, изменившего дружбе и забывшего о беседах». ¹ «О возвращении „кротости голубя“, — пишет в другом месте статьи Ледницкий, — омраченной гневом, душе того, кто отравил кубок дружбы, „молил“ Пушкин бога. Поэтому „чаша“, о которой вспомнил Пушкин, связывается не только со стихотворением к Олизару, но и противопоставлена „отравленному кубку“ Мицкевича» ².

Характеристику Мицкевича в словах:

... он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь —

Ледницкий сопровождает обильными справками из мемуарной и эпистолярной литературы, свидетельствующими о том, что «Мицкевич вызывал у всех своих приятелей, которые о нем писали, впечатление человека огромных способностей, одаренного „свыше“ особенным даром вдохновения, неохотно отзывавшегося на низкую действительность». Таковы отзывы Кс. Полевого, кн. П. А. Вяземского, С. Т. Аксакова, А. И. Дельвига ³. В кругу московских приятелей, которые подарили Мицкевичу на прощальном ужине (в марте — начале апреля 1828 г.) кубок

---

¹ Там же, стр. 201.

² Там же, стр. 212.

³ К ним нужно прибавить отзыв А. П. Керн. См. ее воспоминания в изд. «Academia», 1929, стр. 275.

с вырезанными подписями Е. А. Боратынского, И. и П. В. Киреевских, А. А. Елагина, Н. М. Рожалина, Н. А. Полевого, С. П. Шевырева и С. А. Соболевского, Мицкевич, по выражению Ледницкого, «считался олицетворением высшего поэтического характера, типом некоего классического поэта-певца, вдохновенного поэта, взиравшего с высот поэзии на людей и жизнь»¹. Эпитет «вдохновенный» был неотделим от Мицкевича в устах русских, когда они говорили о нем. Перешел он и в поэзию; до Пушкина Боратынский писал:

Когда тебя, Мицкевич вдохновенный,
Я застаю у Байроновых ног,
Я думаю: поклонник униженный!
Встань, встань и вспомни, сам ты бог!

У Пушкина Мицкевич, как лицо, упоминается в поэзии три раза и всегда как «певец», как певец «вдохновенный».

Первый раз Пушкин сказал о Мицкевиче в «Евгении Онегине», в «Отрывках из путешествия Онегина», которые писались в 1829—1830 г. г.

Здесь читаем:

Там пел Мицкевич вдохновенный
И посреди прибрежных скал
Свою Литву воспоминал.

В стихотворении 1830 г. «Сонет», в котором Пушкин называет Данте, Петрарку, Камюэнса, Вордсворта, Шекспира, Мицкевича и Дельвига, он говорит о польском поэте:

Певец Литвы в размер его стесненный
Свои мечты мгновенно заключал.

В последних словах можно видеть намек на необыкновенную способность Мицкевича к импровизациям.

Этому дару Мицкевич был обязан, — может быть, не в меньшей мере, чем своим напечатанным произведе-

---

¹ Указ. ст. Ледницкого, стр. 206—207.

ниям, — тем чувством восхищения и восторга, которое он возбуждал среди своих русских приятелей.

Современник свидетельствует, что дружба Пушкина с Мицкевичем началась с того вечера, когда Пушкин впервые услышал импровизацию польского поэта. 9/21 мая 1829 года А. Э. Одынец писал Юлиану Корсаку из Петербурга: «Мицкевич несколько раз выступал с импровизациями здесь и в Москве; хотя были они в прозе, и то на французском языке, но возбудили удивление и восторг слушателей. Ах, ты помнишь его импровизации в Вильне! Помнишь то подлинное *преображение* лица, тот блеск глаз, тот проникающий голос, от которого тебя даже страх охватывает, как будто через него говорит дух. Стих, рифма, форма, — ничего тут не имеет значения. Говорящим под наитием духа дан был дар всех языков или, лучше сказать, тот таинственный язык, который понятен всякому. На одной из таких импровизаций в Москве Пушкин, в честь которого давался тот вечер, сорвался с места и, ероша волосы, почти бегая по зале, воскликнул: — «*Quel génie! Quel feu sacré! Que suis-je auprès de lui?*»¹ и, бросившись на шею Адама, сжал его и стал целовать, как брата. Я знаю это от очевидца. Тот вечер был началом взаимной дружбы между ними»².

Воспоминаньем об этих импровизациях и являются стихи Пушкина:

. Нередко

Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта.

Еще Анненков в своих «Материалах для биографии Пушкина», со слов П. А. Плетнева, писал: «Подробности, находящиеся в стихотворении «Он между нами жил», все взяты из действительности. Лицо, к которому оно

¹ Какой гений! Какой священный огонь! Что я рядом с ним?

² А. Е. *Odyniec*. *Listy z podróży*. Tom I. Warszawa 1884, p. 57.

написано, отличалось даром импровизации и раз в самой квартире Пушкина, в Демутовом трактире, долго и с жаром говорило о любви, которая некогда должна связать народы между собою»¹.

Об этом же писал П. П. Дубровский в примечании к приведенным стихам: «От П. А. Плетнева я слышал, что эта мысль была выражена Мицкевичем в его речи на французском языке, которую он однажды импровизировал в дружеском кругу русских литераторов, в Петербурге»². Любопытнейший рассказ об этой импровизации находим в неопубликованном письме кн. П. А. Вяземского к жене. Вот что писал последний из Петербурга 2 мая 1828 г.: «Третьего дня провели мы вечер и ночь у Пушкина с Жуковским, Крыловым, Хомяковым, Мицкевичем, Плетневым и Николаем Мухановым. Мицкевич импровизировал на французской прозе и поразил нас, разумеется, не складом фраз своих, но силою, богатством и поэзией своих мыслей. Между прочим он сравнивал мысли и чувства свои, которые нужно выражать ему на чужом языке, avec un enfant mort dans le sein de sa mère, avec des matériaux enflammés qui brûlent sous terre, sans avoir de volcan pour leur éruption»³. Удивительное действие производит эта импровизация. Сам он был весь растрожен, и все мы слушали с трепетом и слезами».

Об этом же через сорок пять лет Вяземский так вспоминал: «Импровизированный стих его, свободно и стремительно, вырывался из уст его звучным и блестящим потоком. В импровизации его были мысль, чувство, картины

¹ Указ. книга, изд. 1855 г. стр. 250. В черновых записях Анненкова сведений о Пушкине имеется такая: «Импровизация Мицкевича о равенстве народов в Демутове трактире». См. Б. Л. Модзалевский «Пушкин». Изд. «Прибой», Лгр. 1929, стр. 342.

² П. П. Дубровский. «Адам Мицкевич» — «Отечественные записки» 1858, № 9, стр. 39.

³ С младенцем, умершим во чреве матери, с расплавленной лавой, горящей под землей, не имея вулкана, чтобы извергаться.

и в высшей степени поэтические выражения. Можно было думать, что он вдохновенно читает наизусть поэму, им уже написанную. Для русских приятелей своих, не знавших польски, он иногда импровизировал по-французски, разумеется, прозою, на заданную тему. Помню одну. Из свернутых бумажек, на коих записаны были предлагаемые задачи, жребий пал на тему, в то время и поэтическую, и современную: приплытие Черным морем к Одесскому берегу тела Константинопольского православного патриарха, убитого турецкою чернью. Поэт на несколько минут, так сказать, уединился во внутреннем святилище своем. Вскоре выступил он с лицом, озаренным пламенем вдохновения: было в нем что-то тревожное и прорицательное. Слушатели в благоговейном молчании были также поэтически настроены. Чуждый ему язык, проза, более отрезвляющая, нежели упоющая мысль и воображение, не могли ни подавить, ни остудить порыва его. Импровизация была блестящая и великолепная. Жаль, что не было тут стенографа. Действие ее еще памятно; но, за неимением положительных следов, впечатления непередаваемы. Жуковский и Пушкин, глубоко потрясенные этим огнедышащим извержением поэзии, были в восторге»¹.

Из приведенных слов Вяземского Ледницкий придает особенное значение указаниям на то, что импровизация Мицкевича производила впечатление вдохновенного чтения наизусть уже написанной поэмы, что в этом чтении было «что-то тревожное и прорицательное». Последнее заставляет польского исследователя вспомнить пушкинского «Пророка», в лице которого, по толкованию Мицкевича в его парижских лекциях, Пушкин изобразил поэта. Не касаясь вопроса о том, насколько это истолкование, всецело поддерживаемое Ледницким, правильно, заметим, что, кроме Вяземского, пророком назвал Мицкевича Бо-

¹ «Русский архив» 1873, № 6, стр. 1084—1085.

ратынский в стихотворении «Не бойся едких осуждений», третья строфа которого читается:

Прости, я громко негодую;
Прости, наставник и пророк,
Я с укоризной указую
Тебе на лавровый венок!¹

В приведенных выше стихах Пушкина («Он между нами жил...») Ледницкий не без основания видит некоторый «элемент раскаяния»² Пушкина, поскольку он без возражений и оговорок говорит о провозглашенной Мицкевичем идее братства народов, столь противоречащей националистическим взглядам Пушкина, выраженным им в стихотворениях 1831 года.

Слова Пушкина: «Издали до нас доходит голос злобного поэта», конечно, как отметил Ледницкий, являются ответом на стихи Мицкевича: «Если до вас издалека... на север дойдут эти жалобные песни... Узнаете меня по голосу»³.

Наконец, о словах чернового текста (в тетр. № 2374 Ленинской библиотеки):

И молим бога, да прольет он кротость
В его озлобленную душу —

Ледницкий пишет: «Русское «кротость» ближе всего передает: «gołębia prostotę». В этом последнем аккорде Пушкин изжил свое собственное недоброе чувство к Мицкевичу, потому что, если желал «покоя» душе Мицкевича, должен был ощущать тишину в своем собственном сердце⁴.

В итоге своего тонкого и глубокого анализа Ледницкий дает такую характеристику стихотворения Пушкина:

¹ Это стихотворение В. Я. Брюсовым и вслед за ним М. Л. Гофманом без достаточных оснований отнесено к А. Н. Муравьеву; видели в адресате и Пушкина. Что стихотворение посвящено Мицкевичу, доказано Филипповичем в его книге «Жизнь и деятельность Боратынского», 1917, стр. 127—134.

² Указ. ст., стр. 194.

³ Там же, стр. 212.

⁴ Там же.

«Стихотворение, обращенное к Мицкевичу, было произведением, которое и психологически и художественно глубоко коренится в творчестве Пушкина; нет в нем ничего случайного, необоснованного, напротив, каждое слово, каждое выражение, мысль и каждое чувство, общий его колорит и тон — плод размышления, хорошо прочувствованной эмоции, — глубокой, задушевной, которая ни в какой мере не накипь сердца, не каприз мысли — напротив, всё в этом стихотворении взвешено и обдуманно, в нем нет неглубокого, поверхностного рефлекса, всё стихотворение — совершенно намеренный жест, задуманный и выполненный в одном отчетливом плане»¹.

Остается неизвестным, прочел ли Мицкевич обращенное к нему стихотворение Пушкина.

В парижском музее Мицкевича имеется список (неизвестной руки) этого стихотворения². Под текстом списка, дословно совпадающем с текстом посмертного издания сочинений Пушкина³, написано: «Голось съ того свѣта». Какого происхождения список, принадлежал ли он Мицкевичу или поступил в музей со стороны, мне неизвестно. Но услышал ли этот голос Пушкина «с того света» Мицкевич или не услышал, обращение его к Пушкину после смерти поэта в посвященном ему некрологе, напечатанном в «Le Globe» (№ от 25 мая 1837 г.), было исполнено глубокой содержательности и большого благородства. В этом замечательном некрологе, до сих пор еще недостаточно оцененном, великий польский поэт остался верен тому чувству дружбы, которое соединяло его некогда с русским собратом.

¹ Там же, стр. 210—211.

² См. «Katalog rękopisów muzeum Adama Mickiewicza w Paryżu» Kraków, 1931, стр. 143, № 796. Здесь рукопись значит как автограф Пушкина. Фотографический снимок с рукописи имеется в Центральном музее художественной литературы, критики и публицистики. Почерк списка очень похож на почерк И. С. Тургенева.

³ Только в восьмом стихе по ошибке пропущено слово: «взирал»

ПУШКИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Серия: „Последние годы
творчества Пушкина“
— 1833—1837 —

Вып. II.

Л Е Н И Н Г Р А Д
1 9 3 4